

HISTORY OF THE EAST

Universal History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(575.1)"18" + 321.01(575.1)"18"

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-33-43>

Ханская власть в Хорезме при Кунгратах

Сергей Сергеевич Вдовин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос ханской власти в Хорезме в годы независимого правления Кунгратов (1804–1873) на основе хроник, написанных на чагатайском и персидском языках, воспоминаний посетивших данный оазис лиц и прочих материалов. Делается вывод о наличии значительных изменений в статусе хана в Хиве, произошедших вслед за воцарением Кунгратов. Отмечается многогранность инструментов, задействованных новой династией для собственной легитимации, в том числе выстраивание линии ее преемственности от хорезмшахов из династии Ануштегинидов. Подчеркивается факт выражения власти ханов в Хорезме через ряд инсигний.

Ключевые слова: Хорезм, Хивинское ханство, Кунграты, ханская власть

Для цитирования: Вдовин С. С. Ханская власть в Хорезме при Кунгратах. Ориенталистика. 2025;8(1):033–043. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-033-043>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-33-43>

The Power of Khans in Khwarazm under the Qongrats

Sergei S. Vdovin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>

Abstract. The article comprises research on the power of khans in Khwarazm during the independent rule of the Qongrats (a nomadic Uzbek tribe that established an independent dynasty in the Khanate of Khiva, between ca 1762/1804 to 1873). It is

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Вдовин С. С., 2025

© Ориенталистика, 2025

based on Chagatai and Persian chronicles, memories of the foreign visitors to the oasis and other sources. They show the significant changes in the status of the Khivan khans under the Qongrats. The authors draw attention to diverse methods used by the dynasty to legitimize its power, among others, the invention of a special line of succession from the Khwarazmshahs of the Anushtegin dynasty. The article emphasizes the specific insignias symbolizing the power of khans in Khwarazm.

Keywords: Khwarazm; The Khanate of Khiva; The Qongrats; The Power of Khans

For citation: Vdovin S. S. The Power of Khans in Khwarazm under the Qongrats. *Orientalistica*. 2025;8(1):033–043. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-033-043> (in Russian).

Введение

Хорезмский оазис, объединенный в рамках Хивинского ханства, переживал серьезные потрясения на рубеже XVIII–XIX вв. — прежде всего, политического характера. В результате продолжительной борьбы за власть между различными племенными группировками главенствующие позиции в государстве удалось захватить узбекскому племени кунгратов и их предводителям — инакам. В 1804 г. они положили начало правлению вышедшей из их среды династии Кунгратов, сосредоточив в своих руках достаточное количество ресурсов и влияния и отстранив даже от номинального правления ханов из числа Чингисидов¹.

При этом, стоит отметить, что и Эльтузар (1804–1806), и Мухаммад-Рахим I (1806–1825) на непродолжительный срок сначала оставались инаками, подобно их предшественникам Мухаммад-Амину (1762–1790) и Авазу (1790–1804.), и только после этого обретали титул хана. Первому потребовалось примерно полгода, чтобы отстранить от номинальной власти подставного хана. Второй же в нестабильной политической обстановке, последовавшей за внезапной гибелью Эльтузара, был вынужден на некоторое время вернуть на хивинский трон подставного хана².

Установленный Кунгратами в Хорезме династический режим просуществовал более века. Значительную часть этого срока — до 1873 г. — кунграт-

¹ В Хивинском ханстве с момента его образования в XVI в. и до воцарения Кунгратов право на верховную власть и титул хана имели только Чингисиды. До середины XVIII в. эту позицию занимали Чингисиды из династии Шибанидов: потомки Шибана (ум. в 1266 г.), сына Джучи (1207–1225/1227). Во второй половине XVIII в. власть ханов ослабла, и главенствующую роль в политической жизни государства стали играть племенные элиты. Они по своей воле могли приглашать к правлению Чингисидов из числа казахских султанов и через тот или иной отрезок времени смещать их, заменяя новым кандидатом, и продвигать от их имени собственные интересы (подробнее о положении хана см. ниже). Таким образом, ханская власть в Хорезме приобрела формальный характер.

² Подробнее о внутривнутриполитическом противостоянии в Хивинском ханстве в начале правления Кунгратов см.: [Вдовин, 2024, с. 332–335].

ские монархи правили как независимые государи. В рамках данной статьи предпринята попытка выявить специфику власти хивинских ханов в рассматриваемый период.

Основу источниковедческой базы данной статьи составили хорезмские хроники, написанные двумя хивинскими придворными Шер-Мухаммадом Мунисом (1778–1829) и Мухаммадом-Ризой Агахи (1809–1874) на чагатайском языке, в том числе «Райский сад преуспевания» (*Фирдаус ал-икбал*), «Кущи державы» (*Руйад ад-даула*) и др. Они были созданы по заказу самих ханов Кунгратов и описывали события с точки зрения правившей династии от сотворения мира до подчинения ханства России. Помимо этого, были задействованы труды бухарского и кокандского историков, написанные на персидском языке — «История Центральной Азии» Абдул-Карима Бухари (ум. в 1830 г.) и «Из сборных летописей» Мухаммад-Хаким-хана (род. в 1802/1803 г.)³, а также воспоминания посетивших Хивинское ханство иностранцев.

Власть ханов в Хорезме эпохи Кунгратов не изучена в исследовательской литературе в достаточной мере. Данный вопрос затрагивался разными учеными в той или иной степени, однако преимущественно в контексте других, более крупных тем. В частности, можно выделить первую обзорную работу по истории Хорезма с древнейших времен по середину XIX в. русского археолога и востоковеда Н. И. Веселовского (1848–1918) [Веселовский, 1877]. Автор приводил впервые многие подробности политического развития Хорезма, в том числе изложил сообщения современников о церемонии избрания хивинских ханов. Тем не менее Н. И. Веселовский при написании своего труда не имел доступа к хроникам хивинских придворных Муниса и Агахи.

Помимо этого, в статье узбекистанского историка У. Абдурасулова (род. в 1977 г.) и итальянского исламоведа, ираниста и тюрколога П. Сартори (род. в 1975 г.) приводились некоторые сведения об исполняемых хивинскими властителями обязанностях и их участии в юридической системе ханства [Sartori, Abdurasulov, 2017]. Власть хорезмских государей Кунгратов рассматривалась и в контексте административной системы ханства в целом на уровне параграфа в коллективной монографии [Абдурасулов, 2013]. Также нельзя не отметить статью узбекистанского исследователя Д. Ахмедовой, в которой анализируются печати Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, задействованные в дипломатической переписке [Akhmedova, 2024].

Кунграты на хивинском троне

Первым ханом Кунгратом на хивинском престоле стал Эльтузар, воцарение которого сопровождалось значимыми событиями. Через них должен был

³ Написание года через знак / обусловлено тем, что в источниках он указывается согласно исламскому календарю (лунному), где летоисчисление ведется от хиджры (июль 622 г.), а длительность года непостоянна. В связи с этим тот или иной год по хиджре может начинаться в одном году по григорианскому календарю, а заканчиваться — в следующем за ним.

быть создан образ легитимного правителя перед поданными, поскольку сами Кунграта не являлись Чингисидами — по давнему обычаю претендовать на трон в Хивинском ханстве имели право только последние.

Одним из первых аргументов, применявшимся Эльтузаром для убеждения населения, в том числе и собственных соплеменников, в легитимности своей власти, стала апелляция к тому факту, что в известной им истории региона было немало прецедентов прихода к верховной власти людей, не наследовавших ее от предков и не имевших благородное происхождение. Как пишет Бухари, будущий хан приводил в пример возвышение таких государей, как Тимур (1370–1405), Надир-шах (1736–1747), а также основателя династии Мангытов в Бухаре — Мухаммад-Рахима (1756–1758). Что касается определяющих факторов в вопросе возвышения государя, то Эльтузар отнес к ним личные качества правителя и волю Всевышнего [Boukhary, 1876, p. 81].

Следующим шагом для придания своему правлению легитимного характера и снабжения своих потомков благородным происхождением был брак Эльтузара с дочерью сайида — потомка пророка Мухаммада — Ахунд-ходжи из города Ургенча. При этом, по сообщению источников, отец невесты был против данного замужества, которое носило насильственный характер [Boukhary, 1876, p. 83–84]. Тем не менее Эльтузар воздержался от использования этого титула (упоминания о происхождении от пророка Мухаммада) в свое недолгое правление [Веселовский, 1877, с. 254]. Однако его можно встретить в именовании последовавших государей Хивинского ханства, в частности, племянника Эльтузара Сайид-Мухаммад-хана (1856–1864). Примечательно, что на одной из его печатей присутствовало прямое на это указание: «Владение Бога⁴. Сайид-Мухаммад — прямой (чистокровный) потомок Мухаммада» [Кун, 1873, с. 158].

Еще одним элементом масштабной кампании по созданию упомянутого выше образа правителя стало распоряжение Эльтузара о составлении истории основанной им династии. Эта задача была возложена на хивинского придворного Шер-Мухаммада Муниса, вероятно, в середине 1805 г. Автору было необходимо увековечить на страницах благородную генеалогию Эльтузара и имена его величественных предков, равно как и выдающиеся качества, деяния и победы самого хана, «украшавшие легенды и превосходившие Шахнаме» [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 34].

Возвеличивание и восхваление представителей династии Мунисом, а в последствии и Агахи, на страницах хивинских хроник происходило среди прочего и посредством многочисленных титулов. Престиж кунгратской монархии сочетал тюрко-монгольские, древнеиранские и исламские элементы (подробнее см.: [Кораев, Вдовин, 2023, с. 70–78]). При этом титулатура ханов Кунгратов отражалась в том или ином виде и на чеканившихся ими монетах. Ярким примером может послужить девиз для монет Эльтузара: «Свой чекан по милости Истины [Бога] поместил на серебро и золото. Наследник хорезмшахов Эльтузар» [Boukhary, 1876, p. 80]. Девиз был подго-

⁴ Скорее всего, на печати была фраза *al-mulk lillah* (царство / владение принадлежит Богу) (подробнее см.: [Akhmedova, 2024, p. 37]), что означало признание государем верховной власти и собственности за Всевышним и подчеркивало его смирение.

товлен, однако Эльтузар не успел начать чеканить монеты от своего имени, поскольку его краткосрочное двухлетнее правление окончилось гибелью в сражении с бухарцами.

Стоит отметить, что выстраивание линии преемственности хивинских государей от хорезмшахов, выражавшееся как в их титулатуре, так и, к примеру, в создании официальной хроники с соответствующим названием⁵, было явлением, характерным именно для эпохи Кунгратов, нуждавшихся в собственной легитимации. Для предыдущего периода, когда у власти в Хиве находились Чингисиды из династии Арабшахидов (XVI — середина XVIII в.), это было несвойственно. Примечательно, что в повествовании хана Арабшахида Абулгази Бахадура (1643–1663) представители его династии не титуловались хорезмшахами. Напротив, после гибели Джалал ад-Дина Манкбурны (1220–1231) «в мире не осталось ни одного из хорезмшахов» [Абулғозий, 1992, с. 82].

Власть Эльтузара в Хивинском ханстве должна была выражаться и через другие предметы-инсигнии. Так, ее символом стал специальный бунчук, созданный по приказу государя вскоре после смерти его отца — Аваз-инака (1790–1804). В трудах Муниса и Бухари можно найти схожее описание данного бунчука, на который было потрачено 1000 мискалей золота⁶, при этом хорезмский историк указал больше деталей. Древко было сделано из кипариса, после чего было полностью покрыто серебром и золотом. Навершием бунчука послужил полумесяц, украшенный драгоценными камнями. Эльтузар нарек инсигнию «Стягом победы» (*livoi zafar*). Примечательно, что тогда же были изготовлены и знамена для четырех групп узбекских племен⁷, выполненные из серебра [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 191; Boukhary, 1876, р. 81–82].

Символом ханской власти Эльтузара стал также специальный головной убор (*o'tag'a*), надетый им при восхождении на престол и украшенный с правой стороны драгоценными камнями [Boukhary, 1876, р. 81–82]. Описывая в поэтическом отрывке интронизацию Эльтузара, Мунис в свойственной ему манере восхваления кунгратской монархии величал данный головной убор «короной Кей-Хосрова» — героя поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и легендарного царя Ирана. Уподобление Эльтузара Кей-Хосрову представляло первого в качестве идеального и справедливого правителя [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 212–213].

Вторым предметом, который находился при Эльтузаре во время его коронации и символизировал обретение им власти, была «печать миродержавия» (*jahondorlik хотами*). В произведении кокандского историка

⁵ Имеется в виду «Хорезмшахская родословная» (*Shajarayi xorazmshohiy*) — сочинение поэта, историка и переводчика Мухаммад-Юсуфа Баяни (1859–1923), потомка Эльтузара.

⁶ Если принять во внимание, что 1 мискаль в Хорезме соответствовал 4,53–4,55 гр. [Давидович, 1970, с. 94], то 1000 мискалей золота были примерно равны 4,5 кг.

⁷ Узбеки Хивинского ханства были разделены на четыре группы племен (*to'pa*) по результатам административной реформы, предпринятой в середине XVII в. Абулгази-ханом: *уйгур* и *найман*; *кунграт* и *кият*; *нукус* и *мангыт*; *канглы* и *кипчак* [Мунис ва Огаҳий, 2010, с. 91].

Мухаммада-Хаким-хана «Из сборных летописей» (*Мунтахаб ат-таварих*) приводится надпись, высеченная на печати Эльтузара. По словам автора, она свидетельствовала о его гордости и высокомерии: «Не задумывающийся о своих противниках, неизменно отважный Эльтузар-хан» (*Xasmdin ayl-atmag'an andisha, Eltuzarxoni shijoat pesha*) [Хакимхан Мухаммед, 1983, с. 240].

Важную роль в хивинском придворном церемониале играло музыкальное сопровождение. В описании Муниса, принятию Эльтузаром и Мухаммад-Рахимом бразд верховного правления сопутствовал барабанный бой, под который сам «барабанщик небесного свода» (*falak navbatzani*) — или же сама судьба — возвещал всем присутствующим: «Сие есть знак великой державы» (*Bu ulug' davlatdan belgidir*) [Мунис ва Огахий, 2010, с. 190, 246].

При этом стоит оговориться, что это происходило в ходе получения ими титула инака — не хана. Тем не менее оно символизировало их переход в новый статус (де-факто первого человека в государстве) и знаменовало начало новой эпохи. Примечательно, что хорезмшахи из династии Ануштегинидов, наследниками которых позиционировали себя Кунграты, в своих придворных церемониях тоже использовали *наубу* — особый музыкальный салют на ударных инструментах [ан-Насави, 1996, с. 60, 70].

Похожее описание имеется и у Бухари: «Утром и вечером в его [т.е. Эльтузара] дворце гремели звуки карная, саза⁸ и барабана, оглушая всех». Однако в изложении бухарского историка это происходило уже после изгнания марионеточного Чингисиды и, следовательно, при восшествии на хивинский престол самого Эльтузара [Boukhary, 1876, p. 81–82].

Мы также располагаем некоторыми сведениями о церемонии избрания хана в Хорезме. Описывая процедуру воцарения Рахим-Кули-хана (1842–1845), побывавший в Хорезме в 1842 г. российский ботаник Т.-Ф. Базинер (1816–1862)⁹ писал следующее: «Если умер хан, то собираются самые уважаемые люди страны в его замке и держат совместный совет по поводу предстоящего выбора. После того, как достигнута договоренность, выбранного совершенно оголяют и моют. Затем на него надевают только новые одежды и ведут в ханскую кибитку, стоящую во дворе замка. Здесь его трижды поднимают вверх на белом войлоке, предназначенном для этой цели, восклицая при этом: “хан, хан, хан”» (цит. по [Базинер, 2006, с. 353]).

По словам Веселовского, «в такой форме сохранился у узбеков до самого последнего времени [т.е. до 70-х гг. XIX в.] монгольский обычай избрания ханов» [Веселовский, 1877, с. 329]. При этом церемония возведения на престол в Хиве имела ряд аналогий с той, что практиковалась в соседнем Бухарском эмирате: бой больших барабанов, головной убор (корона), поднятие государя на белом войлоке. Однако можно выделить и определенные отличия: в Бухаре действо происходило в коронационном зале, а в Хиве — во

⁸ Карнай — духовой инструмент, саз — струнный.

⁹ Теодор Фридрих Базинер находился в Хорезме в составе миссии подполковника Г. И. Данилевского и занимался изучением растительности, геологии и минералогии региона. По возвращении из поездки составил описание увиденного в рамках специальной работы, за которую впоследствии был удостоен награды от Императорской академии наук.

дворе, в отведенной для этого кибитке. Помимо этого, в эмирате властителя облачали в одежды, ранее уже надевавшиеся его предками, но только при интронизации, а в ханстве одежды подготавливали новые (подробнее см.: [Андреев, Чехович, 1972, с. 44–45]).

Вслед за восхождением на хивинский престол очередного государя династии Кунгратов мог осуществляться обмен сообщениями и торжественными документами с властителями соседних городов, областей и стран (Дешт-и-Кипчак, Герат, Мерв, Ахал, Серахс, Бухара). В хронике «Кушчи державы» встречается упоминание подобной процедуры после воцарения Аллах-Кули (1825–1842). Так, сначала они присылали хану письма с выражением благожелательности и дружелюбия, а затем сам Аллах-Кули отправлял грамоты вместе с одним из своих приближенных. Принимаемые ханом посланники властителей окружающих областей прибывали на особую церемонию чтения суры «Фатиха» по усопшему хану (*fotihaxonlik*), т. е. Мухаммад-Рахиму, и чтобы поздравить с воцарением хана нового [Огахий, 1978, с. 19–20].

Заслуживают внимания и сообщения современников о повседневности хивинских ханов как в годы подставных Чингисидов, так и в эпоху Кунгратов. В описании Бухари, марионеточный хан при кунгратских инаках на рубеже XVIII–XIX вв. своим положением напоминал, пусть и почетного, но все же пленника, который находился в заточении в арке (крепости) Хивы вместе со своими женой и детьми. Подставной Чингисид содержал собственный стол, имел гардероб из златотканых одежд, к нему проявлялось должное уважение. Несколько раз в день придворные приходили к хану на прием (*ko'rinish*), где каждый занимал положение, согласно своей должности: ближе всех к государю располагался инак. По пятницам же в их сопровождении он отправлялся в мечеть для совершения молитвы, после чего возвращался в крепость. Все необходимое хану сообщалось через инака, наперекор воле которого он не осмеливался поступать. Подобный порядок сохранялся на протяжении нескольких лет, после чего хана могли изгнать и поставить на его место нового [Boukhary, 1876, p. 79].

Несколько иная картина наблюдалась в середине 1860-х гг., когда Кунграты правили в Хорезме от собственного имени уже более половины столетия. Венгерский востоковед А. Вамбери (1832–1913), посетивший ханство под видом дервиша в 1863 г., отмечал, что хивинского государя отличало от остальных наличие свиты и слуг; одежда и еда хана были крайне схожи с той, что находились в употреблении у богатых и знатных людей страны. Распорядок дня правителя включал в себя следующее: совершение молитв; несколько приемов пищи, сопровождаемых беседами с муллами, игрой в шахматы и выступлениями певцов, музыкантов и сказителей (*baxshi*), выступавших с газелями Алишера Навои (1441–1501) и персидских поэтов; вечернюю прогулку верхом. Помимо этого, значительную часть дня хан проводил в совещании с чиновниками (*селям*), обсуждая вопросы внутренней и внешней политики, и в официальных аудиенциях (*арз*), где, по крайней мере формально, все желающие подданные государя имели возможность обратиться к нему для разрешения споров и тех или иных важных вопросов (подробнее см.: [Вамбери, 2003, с. 101–104]).

Верховная власть в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов имела наследуемый характер. Она, как правило, переходила в роду Мухаммад-Рахим-хана I либо к сыну, либо к родному брату предыдущего правителя. При этом середина 1850-х гг. стала для ханства периодом смуты, когда за пару лет на престоле сменилось 4 государя. После гибели Мухаммад-Амин-хана (1845–1855) в битве с туркменами-теке часть хивинской элиты произвела попытку изменить линию наследования и закрепить верховную власть в государстве за потомками родного брата Мухаммад-Рахим-хана I — Кутлуг-Мурад-инака. На престол были последовательно возведены двое его внуков: сначала Абдуллахан (1855 г.), погибший уже через полгода во время похода против туркмен, а затем его родной брат — Кутлуг-Мурад-хан (1855–1856), убитый в ходе покушения вскоре после интронизации [Agahi, 2012, с. 194, 198, 216–219, 238–240; Брегель, 1961, с. 135]. Власть в Хиве в итоге вернулась к потомкам Мухаммад-Рахима I (и оставалась у них вплоть до ликвидации ханства в 1920 г.), когда ханом стал его сын — упомянутый выше Сайид-Мухаммад.

В связи с этим примечательным может быть наблюдение британского офицера Ф. Барнаби (1842–1885), побывавшего в Хиве в 1875 г. и отмечавшего, что титул государя переходил там от отца к сыну, а не к старшему родственнику по мужской линии. Ценность сообщения Барнаби заключается в том, что оно в определенной мере демонстрирует современные ему представление и восприятие наследуемости власти в ханстве. При этом Мухаммад-Рахим-хан II (1864–1910) назван британским офицером одиннадцатым преемником в своем семействе, т. е. отсчет был проведен от занимавшего пост инака Мухаммад-Амина, а не от первого хана Кунграта Эльтузара [Burnaby, 1885, p. 262].

Заключение

Таким образом, кризис середины XVIII в. создал вакуум власти, которым воспользовались узбеки из племени кунгратов и положили начало одноименной династии в начале XIX в. Для обеспечения должного образа Кунгратов и обоснования их права на престол в Хиве был задействован ряд инструментов, прежде всего, брак правителя с дочерью сайида и составление истории Хорезма, в котором новая монархия изображалась в выгодном для нее свете. Символом могущества Кунгратов стали и определенные регалии, в том числе бунчук, специальный головной убор и печати.

Кунграты рассматривали себя в качестве наследников хорезмшахов, что прослеживалось в их титулатуре и особенностях придворного церемониала. Несмотря на отказ в Хивинском ханстве от одних давних монгольских традиций (правление Чингисидов), в то же самое время там сохранялись другие обычаи, имевшие монгольские корни, примером чему послужила церемония избрания хана. Большое внимание при хивинском дворе уделялось и игре на музыкальных инструментах, которая сопровождала восшествие новых государей на трон. С воцарением Кунгратов изменился и статус хана в государстве, который стал обладать полнотой власти и более не был марионеткой в руках племенных элит.

Список литературы / References

1. Абдурасулов У. А. Административная система Хивинского ханства. *Хорезм в истории государственности Узбекистана*. Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе, Д. А. Алимова. Ташкент: Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти, 2013. С. 186–201 [Abdurasulov U. A. Administrative System of the Khanate of Khiva. *Khwarazm in the History of Statehood of Uzbekistan*. Ed. by E. V. Rtveladze, D. A. Alimova. Tashkent: O'zbekiston faylasuflari milliy jamiyati, 2013, pp. 186–201 (in Russian)].
2. Андреев М. С., Чехович О. Д. *Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в.* Душанбе: Дониш, 1972 [Andreyev M. S., Chekhovich O. D. *The Fortress of Ark in Bukhara in the late 19th — early 20th Century*. Dushanbe: Donish, 1972 (in Russian)].
3. Базинер Т.-Ф. Естественнаучное путешествие по киргизской степи в Хиву. *Немецкие исследователи в Казахстане*. Ч. 1. Пер. с нем. Л. А. Захаровой, сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. С. 283–360 [Baziner T.-F. Natural Science Journey through the Kyrgyz Steppe to Khiva. *German Researchers in Kazakhstan*. Part 1. Transl. from German by L. A. Zakharova, comp. by I. V. Yerofeyeva. Almaty: Sanat, 2006, pp. 284–357 (in Russian)].
4. Брегель Ю. Э. Сочинение Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» как источник по истории туркмен. *Краткие сообщения Института народов Азии*. Вып. XLIV. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 125–157 [Bregel' Yu. E. Bayani's Work "Shajarayi xorazmshohiy" as a Source on the History of the Turkmens. *Brief Communications of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue XLIV. Moscow: Publishing house of oriental literature, 1961, pp. 125–157 (in Russian)].
5. Вамбери А. *Путешествие по Средней Азии*. Пер. с нем. З. Д. Голубевой. М.: Восточная литература, 2003 [Vamberi A. *Travels in Central Asia*. Transl. from German by Z. D. Golubeva. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003 (in Russian)].
6. Вдовин С. С. Узбекские племена уйгуров и найманов в истории Хорезма (XVI — начало XIX в.). *Ориенталистика*. 2024. Т. 7. № 2. С. 324–338 [Vdovin S. S. The Uzbek Tribes of Uyghurs and Naimans in the History of Khwarazm. *Orientalistica*. 2024;7(2), pp. 324–338 (in Russian)].
7. Веселовский Н. И. *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего*. СПб.: Типография Братъев Пантелеевых, 1877 [Veselovsky N. I. *An Essay on Historical and Geographical Information about the Khanate of Khiva from Ancient Times to the Present*. Saint Petersburg: Tipografiya Brat'yev Panteleyevykh, 1877 (in Russian)].
8. Кораев Т. К., Вдовин С. С. Придворный церемониал и официальная титулатура хивинских ханов 1-й половины XIX в.: особенности и эволюция. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2023. Т. 67. № 2. С. 70–78 [Koraev T. K., Vdovin S. S. Courtly Ceremonial & Official Titles of the Qongrat Khans of Khiva (1st Half of the 19th Century). *Lomonosov Oriental Studies Journal*. 2003. Vol. 67. No. 2, pp. 70–78 (in Russian)].

9. Кун А. Описание печатей хивинских ханов. *Туркестанские ведомости*. 1873. № 40. С. 158 [Kun A. Description of the Seals of the Khivan Khans. *Turkestan Statements*. 1873. No. 40, p. 158 (in Russian)].
10. Муравьев Н. Н. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров*. Ч. 2. М.: Тип. Августа Семена, 1822 [Murav'ev N. N. *A Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by Guards General Staff Captain Nikolay Murav'ev Sent to These Countries for Negotiations*. Part 2. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena, 1822 (in Russian)].
11. ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Критич. текст, пер. с араб. яз., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1996 [al-Nasawi. *Biography of Sultan Jalal al-Din Mangburni*. Critical Text, Transl. from Arabic, Introd., comments, notes and indexes by Z. M. Buniyatov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996 (in Russian)].
12. Хинц В. *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему*. Пер. с нем. яз. Ю. Э. Брегеля. Давидович Е. А. *Материалы по метрологии средневековой Средней Азии*. М.: Наука, 1970 [Hinz W. *Measures and Weights in the Islamic World*. Transl. from German by Yu. E. Bregel. Davidovich Ye. A. *Materials on the Metrology of Medieval Central Asia*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].
13. Абулғозий. *Шажарайи турк*. Масъул муҳаррир ва сўзбоши муаллифи: Б. А. Аҳмедов. Тошкент: Чўлпон, 1992 [Abul'g'oziy. *Sajarayi turk*. Ed. by B. A. Ahmedov. Tashkent: Cho'lpon, 1992 (in Chagatai)].
14. Мунис ва Огаҳий. *Фирдавс ул-иқбол*. Масъул муҳаррир: Шодмон Воҳидов. Тошкент: Янги аср авлоди, 2010 [Munis, Ogahiy. *Firdaws al-iqbal*. Ed. by Shodmon Vohidov. Tashkent: Yangi asr avlodi, 2010 (in Chagatai)].
15. Огаҳий. «Жомеал-воқеоти султоний»дан. В: Огаҳий. *Асарлар*. VI жилд: *Тарихий асарлардан парчалар*. Тошкент: Фафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриети, 1980. С. 5–126 [Ogahiy. From "Jomeal-voqeoti sultoniyy". In: Ogahiy. *Works*. Vol. 6: *Excerpts from Historical Works*. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti, 1980, pp. 5–126 (in Chagatai)].
16. Огаҳий. «Риёзуд-давла»дан. В: Огаҳий. *Асарлар*. V жилд: *Тарихий асарлардан парчалар*. Тошкент: Фафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашриети, 1978. С. 17–170 [Ogahiy. From "Riyojud-davla". In: Ogahiy. *Works*. Vol. 5: *Excerpts from Historical Works*. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi adabiyot va san'at nashriyoti, 1978, pp. 17–170 (in Chagatai)].
17. Хакимхан Мухаммед. *Мунтахаб ат-таварих*. Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова). В 2 кн. Кн. 1. Душанбе: Дониш, 1983 [Khakimkhan Mukhammed. *Muntakhab at-tavarikh*. Preparation of Facsimile Text, Introduction and Indexes by A. Mukhtarov. In 2 books. Book 1. Dushanbe: Donish, 1983 (in Persian)].
18. Akhmedova D. Description of Sovereign Seals on Documents. *Eurasian Journal of Academic Research*. 2024. Vol. 4. Issue 5, pp. 35–38.
19. Boukhary, Mir Abdul Kerim. *Histoire de l'Asie centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153)*,

- jusqu'en 1233 de l'hégire (1740–1818)*. Publiée, traduite et annotée par Charles Schefer. Texte Persan. Paris: E. Leroux, 1876 (in Persian).
20. Burnaby F. *A ride to Khiva: travels and adventures in Central Asia*. New York: Harper & Brothers, Publishers, 1885.
21. Agahi, Muhammad Riza Mirab. *Jami' al-Vaqi'at-i Sultani*. Ed. in the original Central Asian Turki with an Introduction and Notes by Nouryaghdi Tashev. Samarkand — Tashkent, 2012 (in Chagatai).
22. Sartori P., Abdurasulov U. Take Me to Khiva: Sharī'a as Governance in the Oasis of Khorezm (19th — early 20th Centuries). *Islamic Law and Society*. 2017. No. 24, pp. 20–60.

Информация об авторе

Вдовин Сергей Сергеевич — научный сотрудник Центра исламских рукописей Института востоковедения Российской Академии наук, Москва, Россия; sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена рецензентами 17.01.2025; принята к публикации 21.02.2025; опубликована 28.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergei S. Vdovin — Researcher, Center for Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; sergey11vdovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3493-3963>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 21.02.2025; published 28.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.